Дом-музей Марины Цветаевой

Борисоглебский переулок 6

ШАХМАТИСТЫ

Ко дню рождения
Бориса Константиновича Зайцева
(1881–1972)

«Мне хотелось бы в жизни

1. Уметь писать пьесы
2. Хорошо играть в шахматы
3. Иметь фрак.

Кажется, лишь последнее исполнимо».

(Из письма Б.К. Зайцева И.А. Новикову. 1910)

В творческом наследии Бориса Константиновича Зайцева, замечательного прозаика – автора романов, пьес, художественных биографий, мемуаров и ярких публицистических произведений – особенное место занимают сохранившиеся в архивах и частных собраниях письма писателя: к друзьям молодости, издателям, «братьям-писателям», родным... Как много красок, деталей характера их автора содержат письма, мы узнаем о привычках, увлечениях, любимых видах отдыха, об особенностях общения в писательской среде, о семейных устоях и традициях.

ИЗВЕСТНО, ЧТО БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ С ДЕТСТВА ЛЮБИЛ МУЗЫКУ, НО ЧТО ОЧЕНЬ ЗАМЕТНОЕ МЕСТО В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ ЗАНИМАЛИ ШАХМАТЫ – ЗНАЮТ НЕМНОГИЕ.

В течение долгих лет одним из партнеров Зайцева по шахматам был **Виктор Иванович Стражев** (1895–1955) – поэт, прозаик, критик, редактор-издатель еженедельника «Литературно-художественная неделя».

В.И. Стражеву. 14 июня 1910. Притыкино:

«...Новостей нет никаких; я никого не вижу, и живу весьма тихо. Иногда проделываю партии великих шахматистов. Партнера же мне нет. Если у тебя есть с собой шахматы, то я предлагаю две партии по переписке одновременно. Посылать ходы будем на открытках. Одна партия я белыми, другая – ты. Если у тебя нет руководства, то я обязуюсь не справляться со своими шифферспич (о тех партиях, какие играем). Старайся отвечать быстрее, чтобы не затягивать.

Пока крепко тебя целую и посылаю первый ход: **e2-e4.**
(Вера кланяется)».

(Б.К. Зайцев. Собр. соч. В 11 т. Т. 10. М., 2001. С. 73)

Одним из самых задушевных друзей Б.К. Зайцева был **Иван Алексеевич Новиков** (1877–1959) – поэт, прозаик, переводчик, который стал прототипом главного героя (Христофорова) повести Зайцева «Голубая звезда» (1918) и рассказа «Странное путешествие» (1926), ему посвящен рассказ «Душа» (1921).

Именно с Новиковым Борис Константинович, не стесняясь, делился своими шахматными успехами и неудачами. 1 октября 1910 г. Зайцев из Флоренции писал Новикову:

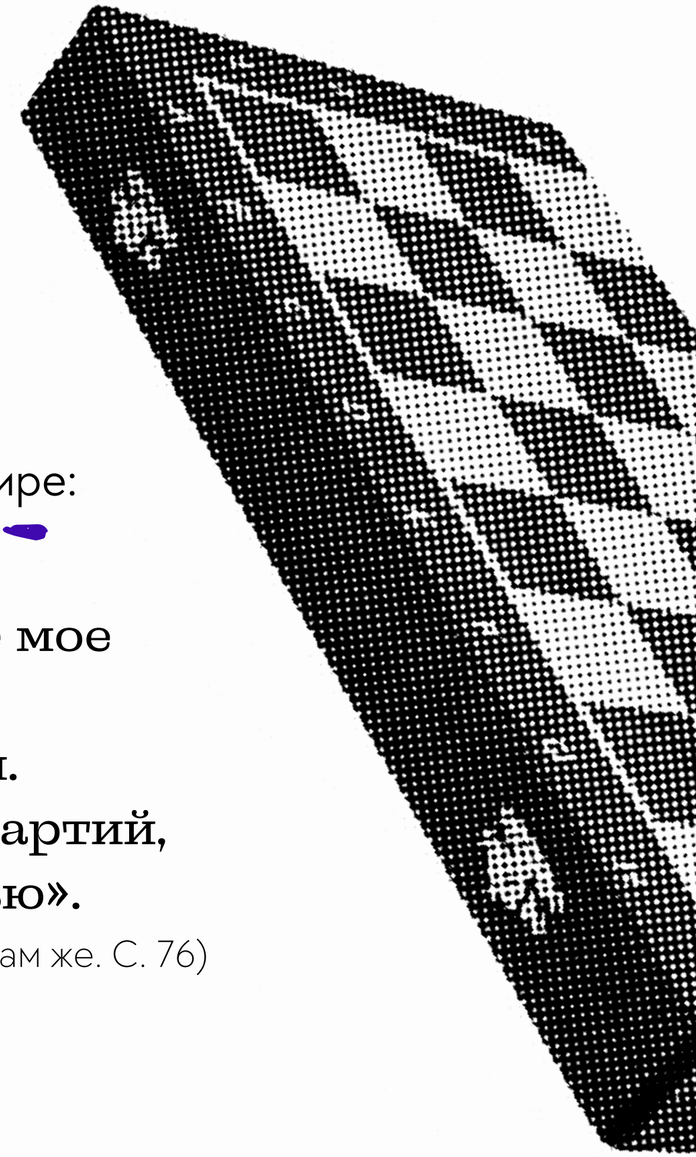
«Играем матч со Стражевым. Здесь играю не так возмутительно, как у Reininchans'a: из четырех две ничьи, одна его, одна моя. Жду реванша у Вас».

(Там же. С. 75)

28 ноября 1910 г. вновь сообщил о турнире:

«Кстати: положение мое в матче стало отвратительным. Я проиграл еще 6–7 партий, и сделал одну ничью».

(Там же. С. 76)

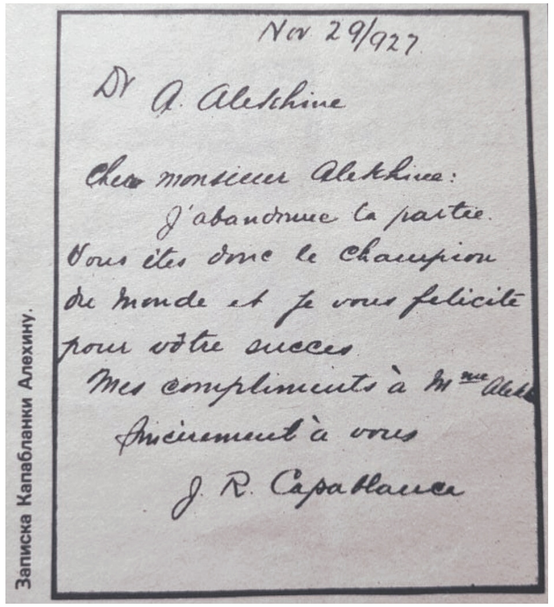


29 января (11 февраля) 1911 г. Кави ди Лаванья:

«Дорогой И.А. Долго не было от Вас вестей.
Открытку не переслали из Рима, откуда мы
месяц назад переселились в Cavi. <...>
В Cavi я сыграл около 50 партий.
Недавно играли с игроком I категории
миланского шахматного клуба.
Из 5-ти у меня $1^{1/2}$, но одна выигранная
у него партия стоит трех».

(Там же. С. 78)

29 ноября 1927 г., не явившись на доигрывание 34-й партии матча, Капабланка прислал короткую записку Алехину:


Nov 29/927

Dr A. Alekhine

Chez monsieur Alekhine:
J'abandonne la partie.
Vous êtes donc le champion
du monde et je vous felicite
pour votre succes.
Mes compliments à Mme Alek
Sincèrement à vous
J. R. Capablanca

Записка Капабланки Алехину.

«Дорогой Алехин. Я сдаю партию.
Итак, Вы – чемпион мира, и я поздравляю
Вас с Вашим успехом.
Мои поздравления госпоже Алехиной.
Искренне Ваш Х.-Р. Капабланка».

Уже через несколько дней после триумфа Алехина в Буэнос-Айресе, 11 декабря 1927 г., парижская газета «Возрождение» опубликовала отклики болельщиков, статью А.И. Куприна и очерк Б.К. Зайцева (приводится ниже с небольшими сокращениями), посвященный замечательному русскому шахматисту. Судьба Алехина, его страстная борьба не могли оставить в стороне русских писателей, оказавшихся, как и Алехин, в эмиграции.

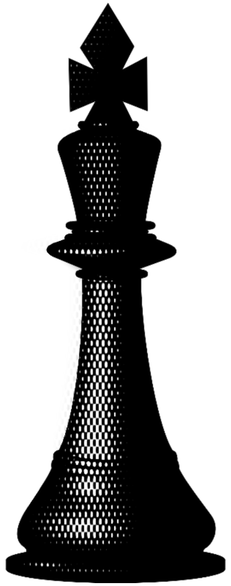
А Л Е Х И Н У

«Очень давно, в так называемые мирные времена, сидя на Притыкинском балконе, прочитал я однажды (думаю в “Русских ведомостях”) следующее.

– *Первый приз Всероссийского шахматного турнира достался гимназисту Алехину.*

– *Шустрый, должно быть, гимназист,* – сказал мой отец и прибавил, что если он занимается таким неосновательным делом, то, пожалуй, и гимназию не кончит.

Алехин, однако, кончил не только гимназию, но и Училище правоведения, неосновательным же делом заниматься продолжал. Еще годы прошли. Капабланка прогремел, и страшной “предвоенною” весной в Петербурге вновь началась бескровная резня за шахматными досками. В том же тульском Притыкине записывали мы очки выигранных партий. Первым оказался Ласкер, вторым Капабланка, третьим Алехин, “гимназист”. Он выдвинулся в мировую тройку. Прошло еще десять лет. Все для России перевернулось, насиженных гнезд нет, “Русские ведомости” в истории, старики в могилах, уцелевшие развеяны по миру. Как и другие, претерпел также Алехин. Кажется, и довольно тяжко претерпел, но из России все-таки бежал, и как другие – выплыл.



Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце, под скалою.

Высушив ризу, Алехин разгромил кого надо в Гааге, Гастингсе, Париже и других местах. За это время и Капабланка вырос. Он победил Ласкера и стал чемпионом мира. Единственным противником, его достойным, оказался бывший “гимназист”.

Шахматы – отдел духовно-умственной культуры, тонкий цвет. Как и поэзия – очаровательная бесцельность. Ибо цель только та, чтобы показать сложность фантазии, глубину расчета, силу выдержки и самообладания. Чтобы обнаружить чистое совершенство. В шахматах, как и в поэзии, как и в философии, есть смены умственных течений, смены мироощущений. Романтизм и реализм, фантазия и анализ, все находит отражение за доской. Художник шахматный так же отражен в своем творении, как поэт в слове. Шахматы выражают личность и через нее нацию. Россия в прошлом – это Чигорин, в настоящем – Алехин.

Чигорин знал и туман хмеля, и, наверное, азарт рулетки. Он был претендентом на корону мира, но как бы **п о л е н и л с я** овладеть ею.

Алехина считают его преемником, также “гением комбинации”, фантазии, игры остропронзительной. Но он живет в иные времена. Буря вынесла Ариона на просторы мира, сделала всесветным, закалила, укрепила. Каждого из нас, русских на чужбине, зрелище мира и борьба в нем несколько изменили. В уроке есть польза. Нередко стряхнута русская распущенность, тут мы подтянутей, свежей, меньше расплывчатости, чем было на родине, в провинциально-чеховские времена.

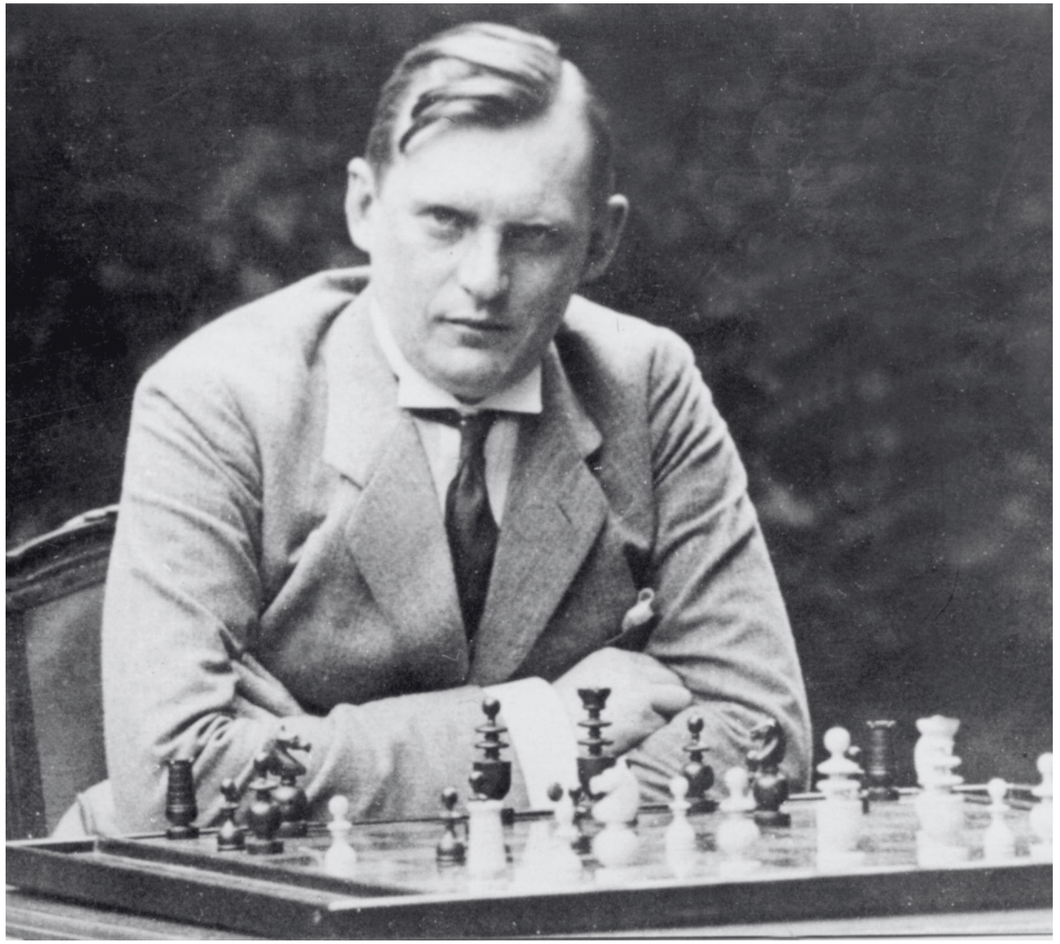
Здоровье, сила, деятельность – вот что грозной судьбе противопоставляет русский на чужбине. Алехин не зарыл таланта. Как он работал, как его растил и шлифовал! Может быть, в этом и был смысл высший. Может быть, ему назначена та, несколько таинственная роль, которая выпала и другим в изгнании: русифицировать мир и явить ему лицо русского гения. Довольно быть России страной провинциальной. Пора в полной мере показать себя.

Он только что победил Капабланку в Буэнос-Айресе. Выдержал напряжение более чем двухмесячной борьбы. Теперь чемпион мира в шахматах – русский. То, в чем упорно пока отказывает русским Шведская академия (Нобелевская премия своего рода чемпионат мира в литературе), то в своей области с боя взял Алехин.

Вот мое письмо к нему; я представляю собой голос бесчисленно-бесталанных русских шахматистов:

“Александр Александрович! Уже сколько времени, развертывая газету, прежде всего ищем мы подзаголовка: **Капабланка – Алехин.** Нынешнее хмурое утро скрасилось для нас Вашей победой. Ура! Вы теперь не русский ферзь, а русский Король. Вы можете ходить лишь на одну клетку, но отныне поступь Ваша – «царственная». В Вашем лице победила Россия, Ваш пример должен быть освежением, ободрением всякому русскому, в какой бы области он ни трудился: хотеть, уметь – значит не все, но многое. Дай Вам Бог сил, здоровья, Вашему искусству – процветания”.

Борис Зайцев»



Из дневника Веры Алексеевны Зайцевой:

«1944 год
12 января, среда
Париж

С утра дождь! Слава Богу, больше шансов, что не налетят. Днем ходила к Надечке <Н.К. Донзель. – Примеч. ред.>. Боже, какая она слабенькая. Батюшка играл в шахматы с Куландиным. Вечером были дома».

(Семен Иванович Куландин (1898–1956) – парижский знакомый Зайцева, бывший офицер, шахматист. Жил в Булони по соседству с Зайцевыми; во время бомбежек они нередко, прихватив шахматы, спускались в подвал... После войны Семен Иванович долго и тяжело болел. Борис Константинович часто навещал своего друга в госпитале.)

Исполнились ли заветные желания Бориса Константиновича, о которых в 1910 г. он поведал в письме своему другу Ивану Алексеевичу Новикову?

1) Зайцев постиг законы драматургии, но, закончив седьмую пьесу, без особой грусти понял, что это не его жанр.

2) Он научился хорошо играть в шахматы и любил их до глубокой старости.

3) А фрак, конечно, был – ведь в жизни русских писателей в изгнании иногда тоже случались новогодние балы...

Автор материала, подбор фотографий:
исследователь Русского зарубежья, старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой
Ольга Алексеевна Ростова.

Это последний прижизненный текст Ольги Алексеевны. Настоящая публикация задумывалась как посвящение Борису Зайцеву, а стала еще и данью любви, уважения и памяти удивительному исследователю, блестящему мастеру слова и дорогому другу О.А. Ростовой.

Благодарим за внимание.

фотографии из личного архива О.А. Ростовой
редактор: М. Мелкова, Л. Викулина
верстка: А. Миндрина